

«Искать неприятеля опровергнуть»

ПЕТР не увидел поражения своей армии — его уже не было в лагере под стенами Нарвы: буквально накануне сражения он уехал в Новгород, захватив с собой своего фаворита Алексашку Меншикова и главнокомандующего армией фельдмаршала Ф. А. Головина.

Конечно, то обстоятельство, что царь бросил армию накануне решающего сражения, не украшает великого полководца. Но этот поступок не был свидетельством трусости или слабодушия. В нем проявился присущий Петру жесткий рационализм, трезвое признание надвигающегося неминуемого поражения, желание выжить, чтобы с удвоенной энергией продолжить борьбу.

Впоследствии, много лет спустя после Нарвского сражения, Петр, заполняя свой знаменитый «Журнал, или Поденную записку», пришел к мысли не только о неизбежности тогда, в 1700 году, поражения, закономерности этого позора, но и даже о той несомненной пользе, которую принесла злосчастная Нарва всему начатому делу:

«И тако шведы над нашим войском викторию получили, что есть бесспорно; но надлежит разуметь, над каким войском оную учинили? Ибо только один старый полк Лефортовский был (который перед тем называли Шепелева); два полка гвардии только были на двух атаках у Азова, а полевых боев, а наипаче с регулярными войсками, никогда не видали. Прочие ж полки, кроме некоторых полковников, как офицеры, так и рядовые самым были рекруты, как выше помянуто, к тому ж за поздним временем великой голод был, понеже за великими грязьми провианта привозить было невозможно, и единым словом сказать все то дело, яко младенческое играње было, а искусство ниже вида; то какое удивление такому старому, обученному и практикованному войску над такими неискусными сыскать викторию?

Правда, сия победа в то время зело была печально чувственная и яко отчаянная всякие впредь надежды и за великий гнев божий почитаемая. Но ныне, когда о том

подумать, воистину не гнев, но милость божью исповедать долженствуем, ибо ежели бы нам тогда над шведами виктория досталась, будучи в таком неискусстве во всех делах, как воинских, так и политических, то в какую бы беду после нас оное щастие вринуть могло, которое оных же шведов, уже давно во всем обученных и славных в Европе (которых называли французы бичами немецкими) под Полтавою так жестоко низринул, что всю их максимум низ к верху обратило, но когда сие нещастие (или лучше сказать — великое щастие) получили, тогда неволя леность отогнала, и ко трудолюбию и искусству день и ночь принудила с которым опасением искусством как час от часа сия война ведена, то явно будет из следующей при сем истории»¹.

Конечно, мысль о пользе поражения на начальном этапе войны, вдали от жизненно важных центров страны, пришла потом, а в первые дни после «нарвской конфузии» он думал о другом: как бы сохранить то, что осталось, и не поддаться панике и отчаянию, ибо действительно победа шведов была тогда «печально чувственная» для Петра. В письме в Псков командующему кавалерией Б. П. Шереметеву 5 декабря 1700 года он со скрытой угрозой писал: «Нег! Понеже не лет (не следует. — Е. А.) есть при несчастьи всего лишатися, того ради вам повелеваем при взятом и начатом деле быть, то есть над конницу Новгородскую и Черкасскую, с которыми, как мы и прежде наказывали (но в ту пору мало было людей), ближних мест беречь (для последующего времени) и итить в даль, для лутчаго вреда неприятелю. Да и отговариваться нечем, понеже людей довольно, также реки и болота замерзли, неприятелю не возможно захватить. О чем паки пишу: не чини отговорки ничем, а буде болезнию, и та получена меж беглецами, которых товарищ, майор Л., на смерть осужден. Протчее же в волю всемогущему предаю. *Piter. Из Новгорода, декабря в 5 день 1700*»².

Использовать сохранившиеся части дворянской конницы, которой командовал Шереметев, для набегов на шведские владения в Прибалтике — это была лишь часть планов Петра, которая касалась непосредственно военных действий.

Серьезнее были внутренние дела: после Нарвы Петр отчетливо осознал, что русская армия оказалась не гото-

ва к борьбе со своим противником — шведской армией Карла XII.

Для многих читателей допетровская армия ассоциируется прежде всего с необученной массой дворянской конницы и полками строптивых стрельцов. Такое представление ошибочно. Данные Разрядного приказа, ведавшего в XVII веке большей частью вооруженных сил, свидетельствуют, что стрельцов в середине XVII века было 16 полков (16 900 человек), а дворянская конница составляла 9700 человек. В то же время существовало 38 солдатских полков (59 200 человек) и 25 рейтарских полков (29 800). Иначе говоря, в середине XVII века из 115 тысяч человек (не считая иррегулярных частей казаков, татар, калмыков и т. д.) более трех четвертей, 76%, составляли полки пехоты и конницы «нового строя».

В 1680 году соотношение «новоманирных» полков с дворянской конницей и стрельцами было следующее: солдат — 61 300, рейтаров — 30 500, всего — 91 800; дворянской конницы — 15 800, стрельцов — 20 000, всего — 35 800, то есть соотношение сохранилось³.

Начало образования полков «нового строя» относится к 1630 году, когда анализ предшествующего опыта показал необходимость формирования войсковых соединений, обученных европейским способам ведения войны. Первыми полками «новоманирного строя» (т. е. обученными новым образцам, новому манеру) стали полки Александра Лесли и Франца Пецнера. Вскоре были образованы и обучены с помощью приглашенных из-за границы инструкторов еще три полка. Они сразу же получили боевое крещение в так называемой Смоленской войне с Польшей (1632—1634 гг.). Играли большую роль «новоманирные» полки и позже.

Естественно, возникает вопрос: зачем же оказалась необходима после Нарвы реформа армии? Дело в том, что поражение под Нарвой стояло в одном ряду с поражениями, которые преследовали русскую армию во второй половине XVII века. И Петр отчетливо это понял. Впоследствии в предисловии к «Уставу воинскому» 1716 года, обзревая военную историю с начала образования «новоманирных» полков и создания «Учения и хитрости ратного строя» — первого воинского устава времен Алексея Михайловича, он отмечал, что на смену успехам в войнах первой половины XVII века с Польшей и Швецией пришли неудачи в русско-турецкой войне (так называемые

Чигиринские походы 1677 года), в крымских походах 1687 и 1689 годов, неудачей закончился первый Азовский поход против турецкой крепости Азов в 1695 году: «Понеже всем есть известно, коим образом отец наш, блаженные и вечнодостойные памяти, в 1647 году (ошибка Петра, правильно — в 1633—1634 годах, т. е. во времена царствования его деда, Михаила Федоровича.— Е. А.) начал регулярное войско употреблять и Устав воинский издан был. И тако войско в таком добром порядке учреждено было, что славные дела в Польше показаны, и едва не все Польское королевство завоевано было. Так крупно и с шведами война ведена была. Но потом оное не токмо умножено при растущем в науке свете, но едва и не весьма оставлено, и тако что последовало потом? не точию с регулярными народами, но и с варварами, что ни против кого стоять могли, яко о том свежая память есть (что чинилось при Чигирине и Крымских походах, умалчивая старее) и не только тогда, но и гораздо недавно, как с турками при Азове, так и с начала сея войны при Нарве»⁴.

Петр понял причину хронических поражений армии, увидел, что необходимо изменить саму основу, на которой зиждилась военная организация.

В своей основе полки «новоманирного строя» являлись разновидностью поместного войска, новым побегом на старом дереве. Как известно, поместное войско, получившее особое развитие с XVI века, служило, как тогда говорили, «с земли», то есть с тех земельных владений (поместий), которые представлялись служилому человеку во временное (на срок службы) держание. По первому призыву государя служилый человек, помещик, был обязан — под страхом конфискации поместья — явиться на смотр или войну полностью вооруженным и экипированным. Помещики, владевшие населенными имениями, должны были привести с собой отряд вспомогательных сил из холопов, то есть явиться, как писали тогда, «конно, людно и оружно». Так вот, поместная система содержания воинского контингента полностью распространялась и на солдат «новоманирных» полков, которые набирались из служилых людей разных категорий, в том числе дворян. Офицеры и солдаты «новоманирных» полков служили «с земли», пользовались поместными правами, то есть были помещиками.

Во второй половине XVII века поместная форма землевладения под воздействием многих факторов, и прежде

всего развития крепостного права, эволюционировала в сторону сближения поместья — временного держания — с вотчиной — родовой, наследственной собственностью. Развитие этой тенденции завершилось экономическим и законодательным слиянием вотчины и поместья в неотчуждаемую помещичью собственность — основу помещичьего землевладения. В военном смысле эта эволюция означала утрату поместной системой, как основным видом обеспечения воинского труда, своей гибкости, эффективности. Служение «с земли», ввиду закрепления поместий за владельцем, превратилось в фикцию. Все это вело к соответствующему упадку вооруженных сил, который становился очевиден многим.

Любопытно сопоставить два взгляда на состояние армии в XVII веке. Один — официальный, данный в 1656 году посольством И. Чемоданова на запрос венецианского дожа, к которому с визитом прибыли представители Алексея Михайловича, второй — мнение крестьянина Ивана Посошкова — известного мыслителя, проектера петровской эпохи.

Чемоданов и его коллеги стремились поразить своих собеседников военной мощью России: «И посланники говорили: „У великого государя нашего, у его царского величества, против его государских недругов рать собирается многая и несчетная, и строенье многое, различными ученьи и строеньем: перво, устроены многия тысячи копейных рот гусарского строю, а иныя многия тысячи устроены конные с огненным боем, рейтарского строю; а иныя многия ж тысячи устроены драгунским строем, с большими мушкеты; а иныя многие тысячи устроены салдатским строем; и над теми надо всеми устроены начальные люди: генералы, и полковники, и подполковники, и майоры, и всякие начальные люди“».

Здесь мы видим как раз описание тех самых «новоманирных» полков, введенных в России в 1630-х годах. Далее посланники повествуют о действительно огромных контингентах вспомогательных войск — конницы из подвластных царю народов (татар, ногайцев, башкир, калмыков), а также казаков. Заодно посланники преувеличивают в несколько раз реальную численность стрелецкого войска: «А низовая сила, казанская, и астраханская, и сибирская, и иных многих государств е.ц.в., собирается многая несчетная рать, и быются конная лучным боем, а большего и меньшого Нагаю татарове и башкирцы, и

калмыки бьются лучным же боем; а стрельцов московских устроено на Москве сорок тысяч, опричь городовых; а бой у них салдатского строения. А донские и терские, и яицкие козаки бьются огненным боем, а запорожские черкасы бьются лучным и огненным боем»⁵.

И наконец, в заключение рассказывалось с некоторой долей пафоса и преувеличения о поместной дворянской коннице и ее привилегированной части — государевом полку, который формировался из верхов служилого сословия, так называемого «государева двора»: «А государевых городов дворяне и дети боярские и всяких чинов люди,— те бьются разными обычаями, лучным и огненным боем и кто к которому навывчен. А его царского величества его государева полку спальники и стольники, и стряпчие, и дворяне московские, и жильцы,— те бьются своим обычаем: только у них бою, что под ними аргамаки резвы, да сабли у них востры: на которое место ни придут, никакие полки против них не стоят; то у великаго государя нашего и строенье». С таким же пафосом о состоянии армии, несмотря на ее поражения, говорили русские послы и позже.

В начале XVIII века Иван Посошков в одном из своих писем царю Петру иначе смотрит на дело и так обобщает распространенные тогда представления на «прежнюю», допетровскую «службу»:

«А естли, государь, прежняя службы спомануть и те службы, бог весть, как они и управлялися: людей яа службу нагонят множество, а естли посмотришь на них внимательным оком, то, ей, кроме зазору, ничего не узришь. У пехоты ружье было плохо и владеть им не умели: только боронились ручным боем — копиями и бердышами, и то тупыми, и на боях меняли своих голов на неприятельскую голову по 3 и 4 и гораздо больше, а хорошо б то, чтобы свою голову хотя головы на три менять. А естли на конницу посмотреть, то не то, что иностранным, но и самим нам на них смотреть зазорно: в начале у них клячи худыя, сабли тупыя, сами нужны и безодежны, и ружьем владеть никаким не умелые. Истинно, государь, я видел, что иной дворянин и зарядить пищали не умеет, а не то, что ему стрелить по цели хорошенько. И такие, государь, многочисленные полки к чему применять?»

Истинно, государь, еще и страшно мне реши, а инако нельзя применить, что не к скоту; и егда, бывало, убьют татаринoв двух или трех, то все смотрят на них, дивуют-

ца и ставят себе то в удачу, а своих хотя человек сотню положили, то ни во что не вменяют.

Истинно, государь, слыхал я от достоверных и не от голых дворян, что попечение о том не имеют, чтоб неприятеля убить, о том лишь печется как бы домой быть, а о том еще молятся и богу, чтоб и рану нажить легкую, чтоб не гораздо от нее поболеть, а от великого государя пожаловану б за нее быть, а на службе того и смотреть, чтоб где во время бою за кустом притулиться, а иные такие прокураты живут, что и целыми ротами притуляются в лес или в долу, да того и смотрят, как пойдут ратные люди с бою, и они такожде будто с бою в табор приедут. А то я у многих дворян слыхал: «Дай де бог великому государю служить, и сабли из ножен не вынимать». И по таким же словам и по всем их поступкам не воины они! Лучше им дома сидеть, а то нечего и славы чинить, что на службу ходить»⁶.

В письме Посошкова точно подмечено много черт, отличавших допетровскую армию, — плохая выучка, слабое вооружение, отсутствие дисциплины, порождаемые, как это хорошо видно из цитаты, тем, что воину — держателю поместья не было резону рисковать собой во имя своего государя и государства. Но внимательный читатель наверняка заметил в приведенном отрывке иронию, которую крестьянин-мыслитель не скрывает. Да в этом и нет необходимости: эта ирония сродни той, которую выражает Петр в записях уже упомянутого «Журнала, или Поденной записки» по поводу Нарвы 1700 года: «и единым словом сказать все то дело, яко младенческое игранье было, а искусство ниже вида». Совпадение отношения этих двух таких разных людей к одной и той же проблеме не случайно. В этом дух времени реформ, когда было чрезвычайно важно снижение прошлого, открытый смех над его недостатками, несуразностями. Этот смех сквозь слезы освобождал от тягостного наследия.

У Петра не было сомнений, каким путем нужно идти. В упомянутом предисловии к «Уставу воинскому» 1716 года после описания хронических неудач в войнах второй половины XVII века он отмечает: «Но потом, когда войско распорядили, то какие великие прогрессы с помощью вышняго учинили, над каким славным и регулярным народом. И тако всяк может рассудить, что не от чего иного то последовало, токмо от доброго порядку, ибо всебеспорядочный варварской обычай смеху есть достой-

Знамя лейб-гвардии Преображенского полка. 1700 г.

ный и никакого добра из онаго ожидать возможно. Того ради, будучи в сем деле самовидцы обоим, за благо изобрели сию книгу Воинский устав учинить, дабы всякой чин знал свою должность и обязан был своим званием, и неведением не отговаривался, еже чрез собственный наш труд собрано и умножено»⁷.

Именно в отсутствии «распоряжения» — четкой организации, «регулярства» (понятие, охватывающее и выражающее смысл и цель реформы армии) — Петр видел причину неудач русской армии в XVII веке, а также под Нарвой.

Следует отметить, что на путь «регулярства» он встал задолго до войны со шведами. Как известно, в 1687 году 15-летний Петр создал два «потешных» полка — Преображенский и Семеновский (по названию дворцовых сел, где они размещались), в которых служили дворянские дети и царские слуги. Без сомнения, для Петра и его сподвижников служба в «потешных» стала той бесценной воинской школой, которая дала юному царю первоначальное военное образование и развила те природные

Гренадер лейб-гвардии Преображенского полка.

данные, которые сделали его выдающимся полководцем и реформатором военного дела.

По методам и приемам подготовки «потешные» полки, основанные на «регулярной», то есть не на поместной базе, стали прообразом той армии, которую начал создавать Петр накануне и особенно в первоначальный период войны со Швецией.

Сигналом к созданию регулярных полков как основных послужил роспуск в 1699 году стрелецких полков после подавления их бунта 1698 года. Вот как изображается этот момент в «Журнале» Петра: «А приехав в Москву (после путешествия по Европе с Великим посольством.— Е. А.), учинен был розыск о помянутом стрелецком бунте через (в течение.— Е. А.) 6 недель и по заслуге того зла большая часть их казнены, а прочие в Сибирь посланы; потом, имея недоверстие о прочих; того для все полки стрелецкие скасованы и распущены по городам, куды кто похотел. А вместо их почали набирать прямое регулярное войско, котораго велено набрать осмнадцать полков пехотных и два драгунских в две дивизии генералов Автонома Головина и Адама Вейда, о которых регулярных полков наборе резидент шведский Книпер-Крон в сильных терминах предлагал: для чего регулярные полки заводят, каких не бывало? и что тогда мир со всеми соседями был, на что ему ответствовано, что по распусчении стрельцов

Казнь стрельцов. Гравюра конца XVII в.

никакой пехоты тогда сие государство не имело, без чего быть нельзя»⁸.

В указах Петра и других постановлениях правительства за 1699 год отчетливо прослеживается целая программа создания новой армии на принципах, существенно отличных от тех, на которых строилась армия XVII века.

Для формирования новых полков было выбрано два способа: прием желающих — волонтеров, — как тогда говорили, в «вольницу», а также набор «даточных». В «вольницу» принимались все желающие, исключая крестьян, тянувших тягло, то есть платящих государственных налоги. В числе вольных могли оказаться, согласно указам царя, «дети боярские, и из недорослей, и казачьих, и стрелецких детей, и братью, и племянников, и захребетников, и из иных всяких чинов, и из наемных работных людей, которые ходят на судах, опричь отставных московских полков стрельцов, а с пашни тяглых крестьян

отнюдь не имать»⁹. «Даточные» — это в своей основе те вооруженные холопы, которые ранее вместе со своими хозяевами-помещиками выходили на смотр или войну в соответствии с устанавливаемыми пропорциями, например помещик должен был выставить вооруженными не менее чем по одному воину с каждого двадцати дворов своего поместья. Теперь набор вольных и «даточных» (эта вообще-то привычная для XVII века практика) приобрел иной характер, будучи изменен в корне: волонтеры не определялись в солдатские полки старого, поместного типа, а «даточные» уже не служили, как раньше, во вспомогательных войсках — все они становились «правильными» солдатами регулярных полков. Их обучали по новым уставам и содержали на средства государства, причем они становились пожизненными военнослужащими, которых не отпускали после войны по домам.

С 1705 года правительство делает следующий шаг — прекращает прием в «вольницу» и переходит к набору в так называемые рекруты непосредственно с крестьянского населения, чего не было раньше. Это было вызвано острой нехваткой людей в армии, потребности которой уже не могли удовлетворяться за счет волонтеров и «даточных».

Источник обеспечения армии людьми стал поистине неисчерпаем. Как оказалось впоследствии, в 1705 году была создана необычайно устойчивая система обеспечения вооруженных сил людьми, система, которая просуществовала практически без изменений до 1874 года, то есть почти 170 лет! Причина такой устойчивости заключалась в том, что рекрутская система полностью отвечала особенностям социальной и экономической структуры страны. Рекрутская повинность и крепостнические отношения — это две стороны одной медали. На армию, где дворянин — офицер, а вчерашний крестьянин — солдат, крепостническая система накладывала, несмотря на принципиальное различие поместья и полка, свой неизгладимый отпечаток. Важно отметить, что рекрутская повинность не была индивидуальной, подобно всеобщей воинской повинности, а имела архаичный (феодальный по сути) общинный характер, включая круговую поруку, очередность и т. д. Естественно, что, отражая крепостнические отношения в стране, рекрутчина — а именно так называлась повинность в народе — просуществовала до

тех пор, пока не начали рушиться все остальные институты крепостного строя.

Как и крепостничество, рекрутчина вызывала постоянное сопротивление в народе. Крестьяне, ставшие рекрутами, навсегда прощались с родными, и о них горевали, как об умерших. Документы свидетельствуют, что для этого были основания. Тяжелейшие испытания начинались с первых шагов рекрута. Чтобы воспрепятствовать побегам, рекрутов заковывали в колодки, как преступников. «Станции» — места сосредоточения рекрутов перед отправкой в армию, в которых их содержали месяцами, — мало чем отличались от тюрем.

Чтобы предотвратить побег, власти шли на разные ухищрения. Одним из них была традиционная круговая порука. Примечателен в этом смысле указ-приговор Ближней канцелярии от 7 июля 1710 года: «Даточных, взятых в рекруты, которые будут в приеме у наборщиков и в присылке к Москве в Воинской приказ, чтоб они с станции и с дороги, куды посланы будут, не бегали, утверждать круглою порукою друг по друге человек по 20 и больше. И которые сбежат и тех беглецов спрашивать на той круглой поруке друг на друге, также и на отцах, и на братьях, и на дядьях, и на свойственников их спрашивать же, и допрашивать отцов и братьев, и дядьев, и свойственников их: оные даточные их рекруты, дети и племянники, и свойственники из бегов у них отцов, и братьев, и дядьев, и свойственников, после отдачи своей в домах их были ль и где живут про то они ведают ли...»

Указ кроме различных наказаний предусматривал самое главное: «вместо беглых рекрут иметь в рекруты ж из свойственников их, которые по них ручались»¹⁰.

Но и этого казалось мало Петру, чтобы остановить побег. В 1712 году он пошел на меру, которая вызвала всеобщее возмущение и символизировала для многих наступление худших времен.

В письме сенатору Я. Ф. Долгорукому Петр предписал делать рекрутам специальные наколки, получившие в народе название «печать антихриста»: «А для знаку рекрутам значить *на левой руке накалывать иглою кресты и натирать порохом*. И сказать всех губерний в Уездах явственно, в городах и по церквам, и на торгах, кто где увидит такого человека, который имеет на левой руке назначено крест, чтоб их ловили и приводили в города. А кто такого человека увидит и не приведет, и за

такое противление оной непослушник высокого монаршего указу будет истязан, яко изменник и беглец и может потерять все свое имение и написан будет сам в рекруты. А для образца послать в губернии начертанные руки с назначенными крестами, каков образец вложен в сем письме»¹¹.

Если рекрутская система комплектования сложилась в течение пяти лет, то устройство всей армии вырабатывалось примерно лет десять, вплоть до Полтавы, когда Петр окончательно убедился в правильности выбранных решений.

Основу армии составляла пехота. Наряду с пехотными полками были созданы гренадерские полки, солдаты которых, помимо обычного вооружения, были оснащены гранатами. Не меньшие изменения претерпела кавалерия. Она состояла из драгунских полков, укомплектованных кавалеристами, которые были обучены ведению боя в пешем строю. В 1720 году Россия могла выставить 79 тысяч штыков пехоты и 42 тысячи сабель кавалерии.

Гордостью русской армии стала быстро восстановленная после нарвского поражения артиллерия, делившаяся на полковую, полевую (108 орудий) и осадную (360 тяжелых орудий). К артиллерии были приписаны и созданные Петром инженерные части. Кроме того, в России появились гарнизонные войска, размещенные в многочисленных крепостях. В 1720 году их было не меньше 68 тысяч человек. Наряду с использованием традиционных для дореформенной армии иррегулярных (т. е. нестроевых) сил казаков, татар, башкир и других «инородцев», численность которых достигала 40—70 тысяч сабель. в 1720-х годах была создана так называемая ландмилиция (территориальные войска, набираемые на время) из живших на юге однодворцев. Они сторожили опасные южные границы¹².

Детально и глубоко была разработана система организации и управления армии. В течение первой четверти XVIII века были созданы центральные учреждения, ведавшие нуждами армии: Военный, Адмиралтейский, Провиантский приказы, на смену которым в 1718—1719 годах пришли Военная и Адмиралтейская коллегии.

Высшей тактической единицей, как и раньше, оставался полк. Полки объединялись в бригады, бригады — в дивизии.

Действия армии направлялись ее мозгом — полевым

(генеральным) штабом во главе с генерал-фельдмаршалом. Было введено, согласно европейской практике, командование отдельными родами войск: пехотой командовал генерал от инфантерии, кавалерией — генерал от кавалерии, артиллерией — генерал-фельдцейхмейстер. Непременным атрибутом управления армией было функционирование военного совета — совещания всех высших генералов по важнейшим вопросам ведения военных действий.

Анализируя причины нарвского поражения, Петр отметил в своем «Журнале»: «искусство ниже вида», то есть крайне неудовлетворительное состояние боевой подготовки войск и искусства ведения военных действий. Действительно, почему, зная о приближении шведов, русская армия не вышла из палисадов, построенных вокруг осажденной Нарвы, и не встретила противника в полевом сражении, где численное превосходство было на стороне русских войск? Дело не в нерешительности командования, а в том, что русские войска XVII века не привыкли воевать в поле, а стремились зацепиться за какую-нибудь высоту, укрепив ее, или вести сражения за подвижной стеной «гуляй-города», или, попросту, укрепленного обоза. Тем самым инициатива изначально передавалась в руки противника. Именно так — по старинке — действовали русские военачальники и под Нарвой.

Петр быстро понял порочность и бесперспективность такой военной концепции. При нем происходит стремительная перестройка стратегических и тактических основ русского военного искусства. Главной целью военных действий для Петра становится не взятие крепостей противника (как это было раньше), а нанесение поражения армии противника в непосредственном быстротечном контакте — бою, сражении. При этом Петр, взвешивая все слабые и сильные стороны и противника, и свои, умел поступать осторожно, наверняка, с огромным запасом прочности, как это было, например, под Полтавой. Движение масс пехоты согласовывалось с действиями артиллерии и конницы, при этом сама кавалерия драгунского типа (т. е. обученная пешему строю) обладала широкими возможностями действовать самостоятельно, осуществлять операции стратегического масштаба¹³.

Петр придерживался принципа: «Нужно есть сочинять армию свою, смотря неприятельской силы, или онаго

намерения, дабы его во всех делах упреждать и всячески *искать неприятеля опровергнуть*».

А. Нартов вспоминал по этому случаю разговор Петра с В. Брюсом: «Рассматривая с Брюсом проекты укрепления крепостей, мысли свои о сем государь объяснял так: „Правда, крепость делает неприятелю отпор, однако у европейцев не надолго. Победу решит военное искусство и храбрость полководцев и неустрашимость солдат. Грудь их — защита и крепость отечеству. Сидеть за стеною удобно против азиатцев“»¹⁴.

Соответственно новым стратегическим и тактическим принципам была изменена концепция подготовки войск к боевым действиям. На смену прежним смотрам раз в год, редким учебным стрельбам приходит постоянная подготовка, которая не кончается с превращением рекрута в «правильного» солдата. Эта подготовка ориентирована на активные военные действия. В ней мы видим сочетание одиночного и группового обучения с доведением до необходимого автоматизма различного рода перестроений роты, батальона, полка, что обеспечивало мобильность и эффективность маневрирования на поле боя. Здесь и обучение согласованному и меткому ведению огня, умелому сочетанию его со штыковыми ударами. Здесь и четкое управление боем со стороны офицеров, которое было построено на сочетании беспрекословной исполнительности и необходимой самостоятельности.

Как реально выглядела такая подготовка, можно увидеть на страницах петровского «Учреждения к бою», где обобщались результаты нескольких лет боевой практики Петра и его армии: «Понеже известно есть, что старых солдат не надлежит уже той экзерциции больше обучати, которая для рекрута учинена, ибо они тот грандус уже миновали, но надлежит непрестанно тому обучать, как в бою поступать, то есть справною и не спешною стрельбою, добрым прицеливанием, справными швенкелями, отступлением и наступлением, тянуьем линий, захватываньем и неприятеля фланки, сикундированием единым другим и прочие обороты и подвиги воинские, чему всему мать есть безконфузство, ибо кто его не блюдет, тот всегда без прекословия потеряет, ибо сие едино войски возвышает и низвергает, чего всякому офицеру паче живота своего хранить достоин. Ибо ежели он свой живот, нерадением дела своего или бегством спасти похочет, то после на безчестной виселице оное погубит, и для того

надлежит, чтоб каждый капитан и протчие офицеры каждый своею ротою командовали, а не на майора смотрели во всем, а сами ничего не делали, ибо каждому баталионному командующему надлежит перед баталионом по тех мест быть, пока до мест приведет, отколь стрелять, и потом тотчас ехать назад и приказывать о первом залпе только, протчую же стрельбу каждый капитан (или командующий ротой) да управляет; командующему же баталионом надлежит подле самой задней шеренги ездить непрестанно от конца до конца своего баталиона и смотреть, дабы все исправно было и для того удобнее всем штаб-офицерам на лошадях быть»¹⁵.

Из приведенного отрывка хорошо видно, что в основе тактического обучения войск Петра лежали не только одни чисто технические приемы, но и воспитание ответственности, инициативы, сознательной дисциплины, то есть всего того, без чего не может существовать армия.

Особое значение в этих условиях приобретали воинские уставы, регламенты — одним словом, кодекс военного права. Петр уделял их составлению много внимания, видя в них основу жизни армии, да и всего общества. На смену «Учению и хитрости ратного строю» Алексея Михайловича в начале XVIII века пришли новые уставы: «Строевое положение», «Учреждение к бою» и др.

В 1716 году был издан знаменитый «Устав воинский», которым определялись не только организация и устройство армии, обязанности военнослужащих, основы строевой и полевой службы, но и военно-уголовные, административные законы. Можно говорить о сильном влиянии на «Устав воинский» военных законодательств Швеции, Франции, Австрии, Дании, переработанных, дополненных в соответствии с условиями России, в зависимости от опыта Петра как полководца, организатора военного дела. Жизнь «Устава воинского» оказалась необычайно долгой — 150 лет. Все эти полтора столетия несколько поколений русских солдат и офицеров приносили воинскую присягу по тексту, включенному в «Устав воинский», точнее — в его часть «Артикул воинский с кратким толкованием». Среди них наверняка были Румянцев и Суворов, Барклай-де-Толли и Кутузов, Пестель и Бестужев-Рюмин, Шевченко и Лев Толстой, сотни тысяч, миллионы новобранцев русской армии.

Вот текст этой «Присяги, или обещания всякого воинского чина людям»: «Я (имярек) обещаюся всемогущим

Офицер и солдаты артиллерийского полка

богом служить всепресветлейшему нашему царю государю верно и послушно, что в сих постановленных, також и впредь поставляемых воинских артикулах, что оные в себе содержать будут, все исполнять исправно. Его царского величества государства и земель его врагов, телом и кровию, в поле и крепостях, водою и сухим путем, в баталиях, партиях, осадах и штурмах и в протчих воинских случаях, какова оные звания ни есть, храброе и сильное чинить противление, и всякими образы оных повреждать потшусь. И ежели что вражеское и предосудительное против персоны его величества или его войск, такжеде его государева людей или интереса государственного, что услышу или увижу, то обещаюсь об оном по лучшей моей совести и сколько мне известно будет, извещать и ничего не утаивать, но толь паче во всем пользу его и лучше охранять и исполнять. А командирам моим, поставленным надо мною во всем, где его царского величества войск, государства и людей благополучия и приращения касается, в караулах, в работах и в прочих случаях, должное чинить послушание, и весьма повелению их не противиться. От роты и знамя, где надлежу, хотя в поле, обозе или гарнизоне никогда не отлучаться, но за оным, пока жив,

Фузилеры пехотных армейских полков

непременно, добровольно и верно так, как мне приятна честь моя и живот мой, следовать буду. И во всем так поступать, как честному, верному, послушному, храброму и неторопливому солдату надлежит. В чем да поможет мне господь бог всемогущий»¹⁶.

Присяга, как и другие военные законы Петра, четко определяла принципы службы, шире — служения петровского солдата. Это последовательно проводимая иерархия, строгое подчинение воинской дисциплине и приказу вышестоящего, богобоязнь и законопослушание. Никогда ранее в России с такой полнотой, последовательностью и целеустремленностью эти принципы не формулировались и не проводились в жизнь.

Военное законодательство не привлекало бы столько внимания, если бы оно было отражением взглядов Петра только на войсковую структуру и отношения в армии. В военных законах петровской поры нашли яркое выражение общегосударственные идеи Петра, отразилась его идеологическая концепция.

В этом смысле Петр следовал известной традиции, существовавшей в Европе. Справедливыми кажутся наблюдения П. О. Бобровского о совпадении идей Петра с идеями шведского короля Густава-Адольфа (1594–

Фузелер драгунского полка.

1632 гг.), выдающегося полководца и реформатора. Речь идет о стремлении обоих уйти от примитивной жестокости как единственной формы обращения с солдатом, о желании не превращать этого солдата в шагающую машину, воспитывать с помощью армии добрые нравы, просвещать, бороться с нелепыми суевериями. В полной мере влияние этих несомненно передовых идей нашло выражение в петровском «Уставе воинском», составленном под сильным влиянием военных законов Густава-Адольфа. Не случайно приведенная выше присяга дословно повторяет (с некоторыми дополнениями) 110 артикулов военного кодекса Густава-Адольфа¹⁷.

Иерархичность, субординация — становой хребет отношений в армии. Но не только это. Командир — не просто старший по чину, которому надлежит беспрекословно подчиняться. Он — олицетворение чего-то большего, чем воинское начальство. Сам он должен удовлетворять весьма высоким требованиям, как профессиональным, так и общечеловеческим.

Глава 10-я «Устава воинского», называемая «О генерале-фельдмаршале и о всяком аншефте», утверждает как закон следующее:

«Генерал-фельдмаршал, или аншефт — есть командующий главный генерал в войске. Его ордер и повеление в

войске должны все почитать, понеже вся армия и настоящее намерение от государя своего ему вручено. Его чин такой, чтоб был не точию муж великаго искусства и храбрости, но и добраго кондуита (сиречь всякой годности) котораго бы квалитеты (или качества) с добродеем и благочестивою справедливостью связаны были. Ибо храбрость его неприятелю страх творит, искусство его подвизает людей на него твердо уповать и о виктории и благосостоянии весьма обнадеживанным быть. Добрые его кондуиты возбуждают послушание и умножают сильно ауторитет или власть его с учтивостью, которую отдавать ему все должны. Прозорливый его кондуит и заботливое попечение содержит всю армию и творит ее счастливу в бою. Добродеем его и справедливость привлекают к себе все сердца всея армии, как офицеров, так и рядовых. Зане ему надлежит жалобы их и доношения добровольно слушать, добрыя их дела похвалять, а за оныя воздавать, за худыя же накрепко и со усердием наказывать, чтоб он всякому *возлюблен и страшен был*»¹⁸.

Выразительна и символична не только последняя фраза, но и весь текст. Хотя речь в тексте идет об армии, но он далеко уводит нас от плаца и казармы. Суть в том, что Петр видел в армии, армейской структуре, армейских отношениях образец для всего общества. Петр испытывал искреннее желание «поправить» общество, распространив на него так легко формулируемые в виде артикулов и так легко осуществляемые на армейском плацу нормы армейской жизни. Четкая организация армии, ясно очерченный круг обязанностей начальников и подчиненных, отношения чинопочитания на основе строгой дисциплины и единомыслия — все это, казалось, так легко перенести на все общество.

Вот почему приведенный выше документ следует рассматривать не только как чисто военный. В сущности, он содержит требования, обязательные для применения к любому начальствующему лицу. А недостатки, пороки? Конечно, они были. И Петр выделяет из них два главных.

Первым является банальное «сребролюбие», под которым понималось взяточничество, вымогательство и другие незаконные формы обогащения должностного лица: «И понеже корень всему злу есть сребролюбие, того для всяк командующий аншефт должен блюсти себя

от лихоимства и не точию блюсти, но и других от онаго жестоко унимать и довольствоваться определенным, ибо многие интересы государственные чрез сие зло потеряны бывают. Ибо такой командир, который лакомство великое имеет немного лучше изменника почтен быть может, понеже онаго неприятель (хотя оный и верен) посторонним образом подарить и с прямого пути свести легко может. Того ради всякому командиру надлежит сие непрестанно в памяти иметь и от онаго блюстися, ибо может таковым богатством легко смерть или безчестное житие купить».

Вторым пороком является «похлебство», то есть поблажка, попустительство: «Еще же другое зло случается равное вышеописанному, то есть похлебство, ибо оное многое не только за худое дело, но за добродетель вменяют, ставя в милосердие, еже винных легко судить или по случаю иных и весьма свободных от суда иметь, дабы тем от людей любовь получить. Но таковой храмину свою на песке созидает без твердого основания и всегда готова к падению. Понеже ничто так людей ко злу не приводит, как слабая команда, которой пример суть дети в воле, без наказания и страха возвращенные, которые обыкновенно в беды впадают, но случается после, что и родителям пагубу приносят. Тако и в войске командующие суть отцом оных, которых надлежит любить, снабдевать, а за прегрешения наказывать. А когда послабит, то тем по времени вне послушания оных приведет и из добрых злых сочинит и нерадетельных и в своем звании оплошных, и тако сам себе гроб ископает, и государству бедство приключит, чего такожде всякому командующему весьма отгребатися и яко смертного страха опасатися надлежит»¹⁹.

Из приведенной цитаты хорошо видно, что как существенный порок осуждается не попустительство из корыстных или каких-либо иных неблагоприятных целей, а вообще всякое попустительство, ибо «ничто так людей ко злу не приводит, как слабая команда».

И опять же в подобных нормах военного кодекса отчетливо видны общие принципы подхода Петра ко всякому исполнению человеком, состоящим на службе, своего долга. Суть этих принципов — беспрекословное подчинение начальнику и строгое соблюдение предписанного сверху порядка.

Создание регулярной армии было частью задачи, которую ставил перед собой Петр, получив нарвский урок.

Заняв Ингрию уже в первые годы войны, он сразу оценил значение ее водных бассейнов и путей и соответственно выдающуюся роль, которую может сыграть здесь военно-морская сила. Важно и то, что Петр не мыслил без флота могущества своего государства, не представлял без кораблей своей жизни. Создание флота было для него первейшим долгом после создания армии, естественным продолжением дела, некогда начатого его отцом, царем Алексеем Михайловичем, при котором в Дединове на Оке был спущен на воду первый русский корабль «Орел». Все эти чувства хорошо отражены в преамбуле Морского устава 1720 года: «Учиня Устаф Воинской сухова пути, ныне, с помощью божиею, приступаем к Морскому, которое також прежде сего начинаемо было, а именно, при блаженной и вечно достойной памяти отца нашего для мореплавания на Каспийском море, но тогда чего ради тому не исполнитца и на нас сие бремя вышняго правителя возложить изволила, оное оставляем непостижимым судьбам его. И понеже сие дело необходимо нужное есть государству (по оной присловице что всякой потентат, которой едино войско сухопутное имеет, одну руку имеет, а которой и флот имеет, обе руки имеет), того ради сей Воинской Морской устаф учинили...»²⁰.

Примечательно и то, что Морской устав не только трактовал обязанности морских чинов, но и давал объяснения многим неведомым русскому человеку понятиям: «„Флот“ — слово есть французское. Сим словом разумеется множество судов водных вместе идущих или стоящих, как воинских, так и купецких. Флот военный, аще многое число кораблей, разделяется в три главныя или генеральныя эскадры: первая — кордебаталии, вторая — авангард, третья — ариргард, и сии паки делятся, каждая на три партикулярныя дивизии» — и т. д.²¹

Строительство, содержание и использование военно-морских сил было всегда весьма сложным и дорогостоящим общегосударственным делом, которое, применительно к России конца XVII — начала XVIII века, можно сравнить, без особой натяжки, с современными космическими программами. Мало было построить или купить стоивший целое состояние корабль, нужно было иметь разветвленную инфраструктуру, обеспечивавшую флот всем необходимым, начиная с гвоздей и кончая опытными флотоводцами. Бесчисленный ряд заводов — лесопильных, парусных, канатных, металлургических и иных —

Матрос. Офорт А. Дальстейна.

Адмиралтейство в Петербурге
Гравюра А. И. Ростовцева
1716—1717 гг.

работали на нужды флота. Гавани и портовые сооружения, учебные заведения, цейхгаузы и, наконец, мощная кораблестроительная промышленность — все это только и могло по-настоящему вдохнуть жизнь в понятие «военно-морской флот».

Необходимо отдать должное Петру, прекрасно это осознававшему, обладавшему редкостным организаторским талантом и энергией. Без преувеличения можно сказать, что морское дело, начиная с проектирования корабля и кончая высокой наукой мореплавания и морского боя, было его любимым делом. Беря плотницкий топор или секстант, Петр, по-видимому, находил в этом отдохновение души; ощущал надежную ясность и простоту корабельных конструкций, послушное подчинение своей воле громады, несущей на себе сотни людей и десятки пушек, так похожей на страну, у руля которой ему было суждено стоять.

Строительство петровского флота, как известно, началось в Воронеже в 1695—1696 годах. Здесь после неудачи первого Азовского похода были собраны значительные силы нанятых в Голландии, Англии и Венеции корабельных мастеров, русских плотников и рабочих, которые в крайне сжатые сроки построили большое количество галер и других судов. Уже 3 мая 1696 года Петр с гордостью сообщал в Москву А. Виниусу: «Сегодня с осмью галерами в путь свой пошли, где я от господина адмирала (Лефорта.— Е. А.) учинен есмь камандором»²².

Всего на воронежских верфях до 1702 года было построено 28 кораблей, 23 галеры и много мелких судов. Строительство кораблей продолжалось и позже, вплоть до отдачи туркам Азова и Таганрога в 1712 году, когда часть кораблей Азовского флота была уничтожена, а часть — продана туркам. Но к этому времени Азовский флот не был единственным флотом России. Уже десять лет на берегах рек Балтийского бассейна активно строились корабли.

Как и в Воронеже, опыт которого был, конечно, учтен, строительство флота на Балтике велось форсированными темпами. Начало ему было положено в 1702 году основанием верфи на реке Сясь. В 1703 году на Свири возникла знаменитая Олонецкая верфь, одна из самых крупных, с

Корабль «Ингерманланд». Гравюра К. Вейермана по рисунку А. К. Бегрова с модели. XIX в.

которой успешно соперничала лишь основанная чуть позже Петербургская верфь. Всего в петровский период было построено не менее 1104 кораблей и иных судов, причем львиная доля — на Петербургской и Олонецкой верфях — 386 судов, из которых 45 линейных кораблей²³. Эти цифры отражают колоссальные успехи кораблестроения за двадцать с небольшим лет.

По мнению историков кораблестроения в России, сам Петр был незаурядным кораблестроителем, предложившим много новых технических решений, начиная с проектирования и кончая использованием морских судов. Любопытно, что, стремясь добиться непрерывной работы верфей в течение года, Петр предложил спускать корабли даже зимой — в специально подготовленную для этого прорубь. С годами рос опыт царя-кораблестроителя. Начав с проектирования и строительства яхт и шняв, Петр кончил проектом и закладкой 100 пушечного корабля.

Образцовым стал спроектированный им 64-пушечный корабль «Ингерманланд», построенный Р. Козинцем в 1715 году.

Одновременно со строительством кораблей в Петербурге и Кронштадте создавались мощные военно-морские базы, дополненные базой в Эстляндии (Рогервик; ныне Палтийски). В Кронштадте строилась уникальная система каналов и шлюзов, которая позволяла беспрепятственно ремонтировать, вооружать и даже хранить в межсезонье на берегу огромные корабли.

Петр не ограничивался строительством кораблей. Они также покупались за границей и перегонялись в Петербург. Так, за 1711—1714 годы было куплено и переведено в Россию 16 линейных кораблей. Петровское время стало расцветом галерного флота, известного с античных времен. Петр правильно оценил его значение для борьбы с противником в мелководных шхерах Финского и Ботнического заливов. Здесь особенно пригодился опыт венецианских кораблестроителей, накопленный в течение столетий морских войн в Адриатике и на Эгейском море.

Ко времени Гангутской битвы 1714 года Петр выполнил задачу по созданию морского щита Петербурга — флот насчитывал 22 корабля, 5 фрегатов и множество мелких судов. Назвать этот флот совершенным, конечно, нельзя: корабли были весьма разнотипны, строились из сырого леса (и потому оказывались недолговечны), плохо маневрировали, экипажи были слабо подготовлены. Не случайно во время Гангутской операции вся тяжесть военных действий на море легла на галерный флот, избежавший, благодаря своей подвижности и мелкой осадке, встреч с крупными соединениями шведского линейного флота.

Опыт кораблестроения, перспективы военных действий на просторах Балтики непосредственно у берегов Швеции — следствие вытеснения шведов из Финского залива, — как и общие военно-морские амбиции Петра, — все это привело к принятию приблизительно в 1714—1715 годах целостной программы увеличения и качественного обновления флота. И эта программа была не только выполнена, но и перевыполнена к концу царствования Петра: число кораблей с 1715 по 1724 год увеличилось с 27 до 34, а фрегатов — с 7 до 15. Мощь орудийного залпа флота возросла при этом почти вдвое: всего на борту вместо 1250 орудий стало 2226 орудий. Усиление огневой

мощи было связано с появлением на вооружении нового поколения крупных кораблей, среди которых выделялись 96-пушечный «Фридрихштадт», 90-пушечные «Лесное» и «Гангут», а также три корабля, имевшие по 88 пушек. Для сравнения отмечу, что среднее количество орудий на кораблях русского флота в 1715 году не превышало 54²⁴.

То, что флот России превосходил шведский, стало очевидно уже во второй половине Северной войны. Но, забегая вперед, следует отметить, что после того, как наметился перелом в пользу России, Петр не собирался сворачивать военно-морское строительство. Ему, как опытному флотоводцу, было ясно, что русскому флоту далеко до флота «владычицы морей» Великобритании: трижды (в 1719—1721 годах) эскадра адмирала Норриса запирала русский флот в гавани. Не исключено, что ответом на это стала закладка Петром в 1723 году 100-пушечного корабля, получившего впоследствии название «Петр I и II». По-видимому, этот гигантский по тем временам корабль (историки кораблестроения характеризуют его как первый в мире корабль такого типа) должен был начать собой новое поколение кораблей, которым явно была тесна Балтика.